

УДК 172.2

DOI: 10.34670/AR.2021.86.48.011

Этика дискурса публичной власти**Денисов Юрий Петрович**

Кандидат политических наук, доцент,
кафедра административного и финансового права,
Сибирский юридический университет,
644099, Российская Федерация, Омск, ул. Короленко, 12;
e-mail: yurden1984@yandex.ru

Стаурский Евгений Станиславович

Кандидат технических наук, доцент,
кафедра экономической теории и финансового права,
Омская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
644092, Российская Федерация, Омск, пр. Комарова, 12;
e-mail: Ses-QQ@yandex.ru

Стаурский Станислав Станиславович

Кандидат экономических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (Омский филиал),
644043, Российская Федерация, Омск, ул. Красногвардейская, 35;
e-mail: Sss-QQ@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу сущности и структурно-содержательного наполнения этики дискурса (дискурсивной этики) публичной власти. В процессе анализа сущности указанного феномена автор использует концепцию дискурсивной этики Ю. Хабермаса, социокогнитивную теорию критического дискурс-анализа Т. ван Дейка, постструктуралистскую трактовку дискурса М. Фуко, сочетая их с системным подходом. В результате автор приходит к выводу о том, что дискурс публичной власти может быть рассмотрен как коммуникативное событие, происходящее между реципиентом и продуцентом текста в определённом контексте, как совокупность высказываний, подчиняющихся определённым правилам и отвечающим определённым критериям, и как властный ресурс. Дискурсивная этика публичной власти включает в своё структурно-содержательное наполнение, с одной стороны, формальные нормы, которые в значительной степени кодифицированы и задаются государствами и международными институтами императивно. С другой стороны, она интегрирует в себя гетерогенные неформальные морально-этические нормы, формирующиеся в процессе intersubjectивной коммуникативной практики на уровне глобального дискурса и национального дискурса, официального политического дискурса и дискурса

доминирующей парадигмы публичного управления, дискурса конкретного органа публичной власти и дискурса каждого отдельного профессионального сообщества.

Для цитирования в научных исследованиях

Денисов Ю.П., Стаурский Е.С., Стаурский С.С. Этика дискурса публичной власти // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 4А. С. 102-108. DOI: 10.34670/AR.2021.86.48.011

Ключевые слова

Этика, публичная власть, дискурс, коммуникация, публичное управление, этические нормы, этическое регулирование, публичная служба.

Введение

Исследования этических аспектов функционирования публичной власти обретают сегодня высокую актуальность. Она обусловлена целым комплексом факторов. Первый из них связан с острым социально-политическим запросом на рефлексию по поводу феномена публичной власти и его сущностной специфики в контексте произошедшего в Российской Федерации в 2020 году конституционного и дальнейшего законодательного закрепления категории «публичная власть» и последовавших за ним политико-правовых трансформаций. Другой фактор актуализации сопряжён с необходимостью модернизации самой этической парадигмы публичной власти и её адаптации к реалиям динамично меняющегося мира. Данная необходимость детерминирована не только и не столько влиянием феминистских, леволиберальных и антирасистских движений, получающих широкое медийное обсуждение, и эволюцией концепции Э. Нойманна, сколько самими социально-экономическими, социально-культурными, социально-политическими реалиями нашего бытия. оказавшегося под воздействием тотальной технологической революции и глобальной пандемической угрозы. Однако, пожалуй, главной причиной обращения к проблемам этики публичной власти является то, что «этический поворот» в социально-философском и социально-политическом знании, одной из ключевых категорий которого является власть, предстаёт своего рода альтернативой гносеологическому пессимизму и одинокому погружению в хаос, которое предлагает нам постмодернистская парадигма.

Основная часть

Проблемы этики публичной власти оказались в фокусе философской рефлексии достаточно давно. Как отмечает ирландский исследователь аксиологических аспектов феномена публичной службы М. Маккарти (M. MacCarthaigh), «забота о ценностях, стандартах и этике в жизни публичных служащих не нова». [MacCarthaigh 2008, 5]. Уже в глубокой древности была осмыслена взаимосвязь этики власти и этики общества и социальная обусловленность этического уровня человека. Аристотель писал: «... Добродетели существуют в нас не от природы и не вопреки природе, но приобрести их для нас естественно, а благодаря приучению мы в них совершенствуемся». [Аристотель 1983, 78]. Таким образом, «добродетели» человека формируются в процессе «приучения», а этот процесс неизбежно предполагает взаимодействие с Другими, а, следовательно, и коммуникативную практику.

В полной мере коммуникативная природа этики была осмыслена в XX столетии в

концепции этики дискурса, или дискурсивной этики (Diskursethik) Ю. Хабермаса, которая «воспринимается сегодня в качестве универсальной этики человеческого сообщества» [Тетюев 2019, 241] и по этой причине может быть легко адаптирована и к этике публичной власти. Используя концептуальные разработки К.-О. Апеля, Ю. Хабермас констатирует, что каждый человек имеет свои собственные «последние основания» («Letztbegründungen»), некие неопровержимые и рационально не аргументированные внутренние жизненные установки, «экспертом» в которых является он сам. Однако именно поэтому, по мнению немецкого философа, чтобы нормы, устанавливаемые в сообществе, воспринимались как справедливые и стали справедливыми, необходимо, чтобы они рецепировались его членами в процессе intersубъективной коммуникации и были приняты в процессе обсуждения. Основываясь на герменевтической и прагматической философии, Ю. Хабермас приходит к тому, что «место одиноко стоящего субъекта, который направляется к предметам и в рефлексии делает предметом самого себя, заступает не только идея познания, опосредованного языковым выражением и соотносённого с действием, но совокупная взаимосвязь повседневной практики и повседневных коммуникаций, в которую встроены intersубъективные в своих истоках и в то же время достигаемые в сотрудничестве познавательные результаты». [Хабермас 2001, 19]. Именно посредством коммуникативного действия достигается установление общих для всего сообщества этических норм и именно посредством коммуникативной практики возможно их познание.

Фактически, отмечая в качестве условий признания морально-этических норм реализацию и «золотого правила морали», и «категорического императива» И. Канта, Ю. Хабермас полагает, что подлинное воплощение норм может произойти лишь в дискурсе. Под дискурсом он подразумевает «идеальную речевую ситуацию», когда «владеющие языком, вменяемые и дееспособные люди, круг которых не ограничен, руководствуясь законами логики и мотивом поиска справедливости, пытаются привести друг другу аргументы...». [Шавеко 2021, 128].

С одной стороны, концепция дискурсивной этики Ю. Хабермаса удачно коррелирует с осмыслением самой природы публичной власти. Как отмечает современная российская исследовательница Е. В. Безвиконная, «определяющей характеристикой данного вида власти является наличие особых публичных интересов, которые выступают результатом согласования частных, общественных и государственных». [Безвиконная 2018, 9]. В основе согласования различных интересов лежит их обсуждение. Данный тезис во много проистекает из философский построений Д. Дьюи, который отмечал, что участие в совместной деятельности и «совместное пользование её плодами» возможно лишь путём использования знаков и символов в процессе коммуникации, которая и открывает возможность для кооперации на основе общих «над-интересов». [Дьюи 2018, 111]. Следовательно, публичное управление и реализующая его публичная власть дискурсивны по своей природе, а этика публичной власти неизбежно отражает этические нормы, правила, образцы поведения дискурсивно активных субъектов данного социума.

С другой стороны, нам представляется очевидным, что реальная повседневная коммуникативная практика публичной власти происходит не в условиях «идеальной речевой ситуации». В современном мире нет ни одной системы, коэффициент полезного действия которой был бы равен ста процентам. Коммуникативные системы не являются исключением в этом смысле. В этой связи дискурс публичной власти нам представляется не «идеальной речевой ситуацией», а «коммуникативным событием» в понимании одного из основоположников социокогнитивного направления критического дискурс-анализа Т. ван

Дейка. Он полагает, что с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта может быть наилучшим образом охарактеризовано единство языковой формы, значения и действия, которое и представляет собой дискурс в широком смысле этого слова. [Дейк 1989, 121–122]. С позиции социокогнитивного направления критического дискурс-анализа, дискурс определяется как «коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и другими) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте». [Дейк 1989, 121–122].

Вместе с тем дискурс публичной власти может быть рассмотрен и с позиции постструктуралистской концепции М. Фуко, как совокупность коммуникативных событий, или высказываний, существующих в речи или письме, подчиняющихся определенным правилам и отвечающим определенным критериям. При этом, следует понимать, что как писал М. Фуко, «дискурс и перевозит на себе и производит власть; он ее усиливает, но также и подрывает, и подвергает ее риску, делает ее хрупкой и позволяет ее заблокировать». [Фуко 1996, 202]. По этой причине дискурсивная этика публичной власти не только диспозитивна, но и императивна по своей сути, а сам по себе дискурс представляет собой своеобразный властный ресурс.

Одновременно диспозитивная и императивная сущность дискурсивной этики публичной власти детерминирует и её структурно-содержательное наполнение. С одной стороны, этика дискурса публичной власти в таком ракурсе может быть представлена как система моральных и нравственных норм, ценностей, образцов поведения и ориентиров, формирующихся среди субъектов публичной власти в процессе коммуникативного взаимодействия, осуществляемого как между данными субъектами, так между субъектами и различными институтами гражданского общества, коммерческими организациями, гражданами и другими акторами публичного пространства. С другой стороны, она представляет собой систему предписаний, определяющих поведение субъектов публичной власти и, в конечном счёте, реализующих её индивидов.

Данные предписания носят как формальный, так и неформальный характер. Формальные этические предписания, регулирующие поведение субъектов публичной власти, в современных государствах часто кодифицируются. Ярким примером тому служит появление 11 июля 1958 года в США «Кодекса этики правительственной службы», который был оформлен Резолюцией Конгресса № 175 («Code of ethics for government service»). Данный документ содержит десять принципов, которым должно следовать каждое лицо, находящееся на правительственной службе. Первый из них гласит: «Ставьте верность высшим моральным принципам и стране выше верности личностям, партии или государственному ведомству» [Concurrent Resolutions - July 11, 1958. Code of ethics for government service, www...]. Тенденция кодификации этики дискурса публичной власти на международном уровне нашла своё выражение и в принятии 12 декабря 1996 года на 82-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН «Международного кодекса поведения государственных должностных лиц» [International Code of Conduct for Public Officials, www...]. А в России данная тенденция выразилась в решении президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, на котором был одобрен Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих ["Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих", www...]. Данный документ, не являясь нормативным правовым актом, в значительной степени интегрирует в себя нормы, юридически закреплённые в российском антикоррупционном законодательстве [Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от

31.07.2020) "О противодействии коррупции", [www...](#)], законодательстве о государственной¹ и муниципальной службе², особенно в части запретов и ограничений, а также в Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих»³. Данный типовой кодекс так или иначе лёг в основу кодексов этики всех государственных гражданских служащих, государственных служащих, проходящих службу иных видов, муниципальных служащих. Таким образом, императивно задаётся нижняя рамка этики дискурса публичной власти в виде чётко артикулированных писанных норм, зачастую закреплённых в нормативных правовых актах.

Неформальные этические нормы носят неписанный характер. Они объективируются внутри дискурса публичной власти. Некоторые из них широко известны, хотя и не закреплены в официальных источниках: «через голову не ходят», «на ходу не делают», «сор из избы не выносят» и т. д. Однако в целом неформальные этические нормы гораздо менее унифицированы, сложно поддаются изучению, а попытки их научного анализа неизбежно сталкиваются с проблемами верификации. Их структурно-содержательное наполнение обусловлено несколькими дискурсивными источниками. Они отражают одновременно неформальные морально-этические нормы, формирующиеся на уровне глобального дискурса и национального дискурса, официального политического дискурса и дискурса доминирующей парадигмы публичного управления, дискурса конкретного органа публичной, который отражает специфику определённой сферы управления, дискурса каждого отдельного профессионального сообщества, которые образуют коллективы структурных подразделений данного органа публичной власти. В свою очередь на уровне отдельных профессиональных сообществ неформальные этические нормы частично в процессе межличностной коммуникации интегрируют в себя внутренние нравственные установки отдельных членов коллектива, сформировавшиеся у них, в том числе, и в процессе первичной социализации.

Заключение

Итак, проведённый нами анализ показал, что концепция этики дискурса Ю. Хабермаса вполне применима к осмыслению этики публичной власти. Вместе с тем нам представляется целесообразным применительно к дискурсивной этике публичной власти рассматривать категорию «дискурс» с позиции социокогнитивного направления критического дискурс-анализа – как коммуникативное событие, происходящее между реципиентом и продуцентом текста в определённом контексте, и с позиции постструктуралистской концепции М. Фуко – как совокупность высказываний, подчиняющихся определённым правилам и отвечающим определённым критериям, и как властный ресурс. Дискурсивная этика публичной власти имеет сложную структуру и гетерогенное содержательное наполнение. Оно представлено, с одной

¹ Федеральный закон от 27.05.2003 N 58-ФЗ (ред. от 23.05.2016) "О системе государственной службы Российской Федерации" // Правовая справочно-информационная система «Консультант Плюс»; Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 08.12.2020) "О государственной гражданской службе Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Правовая справочно-информационная система «Консультант Плюс».

² Федеральный закон от 02.03.2007 N 25-ФЗ (ред. от 27.10.2020) "О муниципальной службе в Российской Федерации" // Правовая справочно-информационная система «Консультант Плюс».

³ Указ Президента РФ от 12.08.2002 N 885 (ред. от 16.07.2009) "Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих" // Правовая справочно-информационная система «Консультант Плюс».

стороны, формальными нормами, которые в значительной степени кодифицированы и задаются государствами и международными институтами императивно. С другой стороны, оно вбирает в себя разнородные неформальные, неписанные морально-этические нормы из глобального дискурса и национального дискурса, официального политического дискурса и дискурса доминирующей парадигмы публичного управления, дискурса конкретного органа публичной власти и дискурса каждого отдельного профессионального сообщества, которые возникают и складываются в процессе intersubъективной коммуникативной практики.

Библиография

1. Аристотель Никомахова этика // Сочинения в четырёх томах. – М. : Издательство «Мысль», 1983. – С. 680 – 692.
2. Безвиконная Е. В. Концептуальные подходы к осмыслению феномена публичной власти // Гуманитарные исследования. – 2018. – № 2. – С. 8 – 11.
3. Дейк Т. ван Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. – С. 111 – 159.
4. Дейк Т. ван К определению дискурса URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата последнего обращения: 03.10.2021).
5. Дьюи Д. Общество и его проблемы. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 162 с.
6. Тетюев Л. И. Рецепция этики дискурса в современной философии // Вестник РУДН. Серия «Философия». – 2019. – Т. 23. – № 2. – С. 240 – 252.
7. Фуко М. Диспозитив сексуальности // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – С.175 – 238.
8. Шавеко Н. А. Этика дискурса Юргена Хабермаса: критический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 125 – 136.
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2001. – 382 с.
10. MacCarthaigh, M. Public Service Values. – Dublin: Institute of Public Administration, 2008. – 85 p.

Discursive ethics of public authority

Yurii P. Denisov

PhD in Political Sciences,
Associate Professor,
Department of administrative and financial law,
Siberian Law University,
644010, 12, Korolenko str., Omsk, Russian Federation;
e-mail: yurden1984@yandex.ru

Evgenii S. Staurskii

PhD in technical science,
Associate Professor,
Department of economic theory and financial law,
Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation,
644092, 12, Komarova ave., Omsk, Russian Federation;
e-mail: Ses-QQ@yandex.ru

Stanislav S. Staurskii

PhD in Economics, Associate Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Omsk branch),
644092, 35, Krasnogvardeyskaya str., Omsk, Russian Federation;
e-mail: Sss-QQ@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the essence and structural content of the ethics of discourse (discursive ethics) of public authority. In the process of analyzing the essence of this phenomenon, the author uses the concept of discursive ethics Yu. Habermas, T. van Dijk's sociocognitive theory of critical discourse analysis, M. Foucault's poststructuralist interpretation of discourse, combining them with a systematic approach. As a result, the author concludes that the discourse of public authority can be considered as a communicative event that occurs between the recipient and the producer of the text in a certain context, as a set of statements that obey certain rules and meet certain criteria, and as a power resource. The discursive ethics of public authority includes in its structural and substantive content, on the one hand, formal norms, which are largely codified and set imperatively by States and international institutions. On the other hand, it integrates heterogeneous informal moral and ethical norms that are formed in the process of intersubjective communicative practice at the level of global discourse and national discourse, official political discourse, and the discourse of the dominant paradigm of public administration, the discourse of a particular public authority and the discourse of each individual professional community.

For citation

Denisov Yu.P., Staurskii E.S., Staurskii S.S. (2021) Etika diskursa publichnoi vlasti [Discursive ethics of public authority]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (4A), pp. 102-108. DOI: 10.34670/AR.2021.86.48.011

Keywords

Ethics, public authority, discourse, communication, public administration, ethical norms, ethical regulation, public service.

References

1. Aristotel' Nikomahova etika // Sochineniya v chetyryoh tomah. – M. : Izdatel'stvo «Mysl'», 1983. — S. 680 – 692.
2. Bezikonnaya E. V. Konceptual'nye podhody k osmysleniyu fenomena publichnoj vlasti // Gumanitarnye issledovaniya. – 2018. – № 2. – S. 8 – 11.
3. Dejk T. van Analiz novostej kak diskursa // Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya. M. : Progress, 1989. – S. 111 – 159.
4. Dejk T. van K opredeleniyu diskursa URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (data poslednego obrashcheniya: 03.10.2021).
5. D'yui D. Obshchestvo i ego problemy. – M. : Ideya-Press, 2002. – 162 s.
6. Tetyuev L. I. Recepciya etiki diskursa v sovremennoj filosofii // Vestnik RUDN. Seriya «Filosofiya». – 2019. – T. 23. – № 2. – S. 240 – 252.
7. Fuko M. Dispozitiv seksual'nosti // Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let. – M.: Kastal', 1996. – S.175 – 238.
8. Shaveko N. A. Etika diskursa YUrgena Habermasa: kriticheskij analiz // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. – 2021. – № 60. – S. 125 – 136.
9. Habermas YU. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie. – SPb.: Nauka, 2001. – 382 s.
10. MacCarthaigh, M. Public Service Values. – Dublin: Institute of Public Administration, 2008. – 85 p.